

*В мирное время сыновья хоронят отцов, а на войне —
отцы сыновей.*

Геродот

7 октября 2023 года отряд Рона Берковича, сержанта Армии обороны Израиля (*IDF*), был высажен с вертолета *Black Hawk UH-60* в районе кибуца Нир Оз спустя три часа после того, как в эфире прозвучал позывной «Турецкий всадник» — «Ро-хев турки», — означавший появление террористов. Отряд Берковича еще при посадке вступил в бой с прорвавшимся из Газы спецназом ХАМАСа. После того как группа террористов была уничтожена, бойцы *IDF* приступили к осмотру местности. Сразу стало понятно, что они имеют дело с армией дьявола. Изнасилованные трупы, отрезанные женские груди, которыми играли в футбол, связанные тела детей, сожженных заживо, вырезанные из материнского чрева и обезглавленные младенцы — невиданные в истории зверства — вот что лицезрели солдаты. Командир отряда Рон Беркович держался дольше всех, в то время как его подчиненных рвало от ужаса и они не могли продолжать осмотр. Позже у десантников развилось посттравматическое стрессовое расстройство, а Рон Беркович ослеп и ничего не видел в течение пяти дней. Так случается психологическая слепота, когда приходится видеть невыносимое. Только через

полтора месяца отряду Рона удалось вернуться в строй, чтобы воевать в Газе.

Озеро Кинерет у Тверии. Отец и сын сидят среди камышей на берегу, следят за поплавками и отмахиваются веточками от мошки и комаров. Время близится к закату. Вдруг появляются стрекозы. Воздушное полчище этажерчатых насекомых, чьи крылья сделаны из слюдяных витражей. Комары и мошка мгновенно пропадают в пастях крутящих фигуры высшего пилотажа стрекоз.

Ошеломляющее шуршание сменяется тишиной. Поплавки неподвижны.

— Пап, ты меня любишь?

— А ты вспоминал меня этим летом?

— Конечно. Как мы с тобой во Франции на гору с замком забирались. Как на развалинах ели бутерброды. А потом я потерял солдатика, которого брал с собой, и очень расстроился. Как вечером рыбу на углях в фольге запекали...

— Я люблю тебя.

— А что будет, когда ты умрешь?

— Я превращусь в ангела и буду охранять тебя.

— И никуда-никуда не исчезнешь?

— Нет.

Мальчик помолчал.

Рим, базилика Девы Марии Снежной. Он повернулся, чтобы двинуться обратно на выход, — и замер: пласт света, льющегося из приоткрытых

створок дверей, отгеснил сумрак, и стало видно, как девушка в джинсах преклонила колени для исповеди. Тьма, скрывавшая ее лицо в пространстве исповедальни, казалась священной. Затем он вышел под снежное небо. Снег падал колоннами, и виделось, что Глухов распознаёт каждую кружащуюся снежинку в отдельности даже на страшной высоте. Прохожие, ослепшие от метели, шли по тротуарам, не замечая друг друга. Что их ждало по возвращении домой? Накрытый стол? Или потемки и холодный свет из окна, сочащийся над городом из снежного покрова? Иван Глухов зашел в подворотню, нырнул в подъезд. Лифт потащился вверх, но вдруг дернулся и замер — вместе с сердцем. Затем рванулся — и ушел вбок шахты, Глухова вжало в стенку. Скорость была набрана такая, что кабина вытянулась вдоль направления движения и превратилась в вагон поезда. Кто управлял локомотивом? Тот незримый в темноте исповедальни священник? Поезд мчался, поднимая с путей крылатые фонтаны свежего снега. Миновали пропасть, образовавшуюся на месте Европы, пронеслась Украина, потянулась Россия, Урал простучал под колесами, распахнулась тьма Сибири, затем надвинулся Тихий океан. Полная луна безучастно смотрела вослед вагонам.

Глухов проснулся от вкрадчивой сначала мелодии будильника; сон в поезде вырвался наружу и иссяк. Лабрадор Шерлок еще спал. Когда старый Шерлок спит и, похрапывая, поскуливает, он

очень по-человечески это делает. Вот это и приводит к догадке: собачьи сны почти человечески. Есть в снах нечто, что уравнивает немного всех, кому они снятся. Человек во сне глупеет, по его безволию нарушается все, что только может нарушиться, и люди становятся во сне немного животными; ну или ангелами. Во всяком случае, они несколько теряют человеческий облик. Что же мешает собакам становиться во сне немного людьми?

Будильник звенел каждое утро, кроме выходных, в 5:50. Первым делом Глухов впотьмах тащился в кухню и варил в джезве с двойным дном, заполненным морским песком, крепчайший *Lavazza*, смолотый обязательно накануне, перед тем как идти спать. Затем доставал из холодильника молоко, наливал треть чашки и ставил на сорок секунд в микроволновку. Тем временем всходил кофе. Соединив две жидкости, Глухов приступал к пробуждению. И только покончив с кофе, он сворачивал самокрутку и с наслаждением закуривал. Через минуту снимал с полки таблеточный контейнер, высыпал в рот содержимое ежедневной ячейки и запивал стаканом воды из фильтра. Оставалось только поздороваться со вскочившим к тому моменту с лежанки Шерлоком, умыться, пройтись с лабрадором по улице, облегчить собачку и накормить.

Ивану Глухову пятьдесят два года, и имя его — прибежище. Иногда ему казалось, что у него есть второе имя и он когда-нибудь узнает, кто он:

например, Самюэль Вернон — бедный герой «Пятнадцатилетнего капитана» Жюль Верна. Или Бенджамин Уиллард — капитан разведки из «Апокалипсиса сегодня». Недаром Глухов был уверен, что у него есть двойник — простая вера, схожая с предрассудками древних египтян, считавших, что к каждому человеку прикреплены высшими силами сущность, чье имя особое — Ка. Этот Ка, точнее связанное с ним расщепление личности, как раз и отвечает за способность сознания к абстрагированию, к воображению вообще. В снах — действует Ка.

С 7 октября 2023 года прошло три месяца, и за это время Глухов был вынужден удвоить дозу венлафаксина и арипипразола. Теперь он не так часто погружался в состояние ужаса и ярости. Теперь он реже вскакивал среди ночи, бормоча: «Артемка, родной, как ты там, как, мой маленький...» Теперь он, пока допивал кофе, не погружался в телефон — в пришедшие за ночь новости из Газы. Теперь его ощущения напоминали собой то, что он однажды испытал, увидев фотографию, вынесенную на обложку книги французского философа, которым увлекался в юности: камбоджийского партизана подвергли страшной казни — посадке на кол; а чтобы человек не умер от болевого шока, его предварительно обкололи огромной дозой морфина, так что казнимый начал даже улыбаться. Да, Глухов теперь мог думать — и даже

на посторонние происшедшему 7 октября темы, но все равно диэлектрическое его стекло, находящееся под чудовищным напряжением, время от времени пробивало, и тогда его охватывал клубок молний и искр, искореживавший все его тело и то, что осталось от души.

Сейчас Глухов смотрел с балкона на лесистую гору, за которой пролегает дорога на Хеврон, и думал случайную мысль: есть ли любовь с первого взгляда? Что он вообще знает о любви, кроме любви материнской, сопряженной с ежемгновенной заботой и участием? Мать любила его, он восхищал ее с младенчества. Она дрожала над ним и его сестрой и говорила: «Что такое счастье? Счастье — это когда дети не болеют». Любовь к женщинам Иван относил к иному миру, в котором есть место искусству. В юности любовь понималась им как боль и предел устремления, сочетаемые с высшим сексуальным наслаждением. Иными словами, это была в его жизни пчелиная история: ведь трутни, чтобы настичь королеву, увлекаемые ее запахом, взмывают на немислимую для них — но не для королевы — высоту. Тот лучший самец, что не падет жертвой своих усилий и окажется в чести внести веер спермы в специальные резервуары в теле матки, станет обладателем будущего семенного фонда, зачав одним махом целый рой. Здесь нам и элемент естественного отбора (выше, дальше, быстрее), и осколок трубадурной культуры: воздушная гора, на вершине которой

происходит соитие, оказывается метафизической горой, наполненной прозрачными частями охоты, устроенной влюбленным человеком, — чтобы уловить Бога. Любовь и есть ловушка для Бога. Но чаще в расставленные людьми тенета попадает чепуха или дьявол. Что же касается любви с первого взгляда — тут не было сомнений, что с любовью, точнее с ее перспективами, становится понятно все сразу. Глухову обычно требовалось секунд десять-двадцать первой встречи, чтобы выяснить, в каких отношениях он окажется с человеком когда-нибудь, когда им придется расстаться навсегда. Неважно, что будет происходить между ними в любой период знакомства, — общий знаменатель останется тем же, что успел сформироваться в первые мгновения. Вероятно, так устроен не только мозг, но и некий его отпечаток в эфире ноосферы: что-то, относящееся к высшим силам, в которые Глухов, впрочем, если и верил, то в тех пределах, в каких метафизика способна стать физикой или наоборот. Научное образование не мешало Глухову мыслить незримое. Напротив, иногда оно просто обязывало его верить в ангелов и Творца, но не в таких, какими привыкли потусторонний мир изображать люди. Для Глухова ангелы хоть и были этическими сущностями, но состояли преимущественно из формул, никакой плотью, кроме математической, они не обладали, в них ничто не могло сломаться, они только имели разные области обитания (применения) и всего две

или три структурные косточки, к которым крепились метафизические маховые перья. Единственное, что его всерьез занимало в этом ангельском деле, — каким образом математика становится обладательницей энергии, иными словами, как математические формулы и теоремы становятся стихией: землей, огнем, воздухом, эфиром...

Вторую жену, мать Артемки, Глухов любил недостаточно. При том что она сама его не так уж и любила. После семнадцати лет брака развод становится вероятен благодаря хотя бы износу чувств. Есть браки, в которых распределение несчастья неравномерно. А есть такие, где счастье одно на двоих.

Относительно любви к детям: здесь тяжелее, потому что долгое время ужас Глухова состоял в том, что вдруг его ребенок окажется лишь тем лучшим, что ему удалось в жизни создать. Увы, сын Артем своей тотальной безучастностью к мирозданию постоянно приземлял мысли Глухова — при любой попытке романтизировать свое потомство и себя заодно. Увлечение рэпом и компьютерными играми не в счет. Отсюда следует, что любовь вырабатывается не вполне безусловно — дети разные, иначе их любили бы одинаково.

Глухов собрал рюкзак, захлопнул дверь, вышел из подъезда и стал искать свой автомобиль в окрестностях — ниже по улице он вчера встал или выше?.. А пока бродил туда и сюда, вдруг вспомнил и понял: а ведь все началось еще в далекой

юности. Он обнаружил тогда: люди настолько уникальны, что мир ретируется перед избранностью каждого отдельного человека. Но как единый мир, с одной математикой на всех, включая ангелов, способен вынести столь глубинное разнообразие — и вообще может при его наличии существовать? Так Иван думал часто — и в том числе в этом переулке по дороге в магазин детских игрушек на улице Бялик, где сын годами скупал какие-то особенные машинки, а он не мог устоять перед уговорами. Артемка тащил его в магазин игрушек, над которыми зависал, и потом по дороге домой еще пару раз тянул его за руку, возвращался, чтобы изменить свой выбор (в какой-то момент мальчику стали нравиться бетономешалки, он называл их «бамба»).

Jeep нашелся в соседнем переулке, и Глухов нажал кнопку открывания дверей, чтобы усесться и завестись. Все началось с того, что... Но и там и там столько было пролито крови и спермы. В реальности здесь нужен трактат о любви мужской и женской — к Богу в том числе. Да, к Нему тоже. Глухов не понимал, почему теперь так уж неприлично говорить о Боге. На свете есть мало что настолько же интересное, как область темной материи, область тайны в ауре понимания, на место которой человечество норовит поставить что-то свое, как кустарь — товар на свободный прилавок на рынке. Мир могут счесть конечным только сволочи с амбициями,

превышающими их способности. Когда-то Иван работал с одной набожной еврейкой — медсестрой, которая исподтишка обожала христианскую музыку и тайком слушала Баха, Генделя, Вивальди («Вань, зацени!» — и протягивала наушники). Кто бы ее осудил? Музыка — единственный язык, с помощью которого можно обратиться напрямую к Богу.

А пока что Глухов проголодался. Он доберется до госпиталя, и там к десяти часам можно разжиться принесенными сестрой-хозяйкой творожками и вареными яйцами. Когда-то, еще до ковида, в столовой выдавали довеском свежие огурцы и помидоры. Но как давно это было. Так давно — не столько по времени, сколько из-за тьмы происшедшего, — что невозможно себе представить массу прошлого времени, разъятого на винтики и шестеренки — когда и что, — и тем более осознать. Чем дольше живешь, тем плотнее события набиваются в грудь и их не разобрать — так же как не понять, чем отличаются известные зимние вальсы у Свиридова и Хачатуряна.

А началось все с того, что однажды изнурительно жарким Апшеронским августом он забрел в Баку в книжный магазин, находившийся на первом этаже того самого высотного дома, в котором жил чемпион мира по шахматам Каспаров*. Он увидел

* Внесен в реестр иностранных агентов и в перечень террористов и экстремистов.

ее, склонившуюся над разложенными книгами, и стал держаться поблизости. В те времена евреи покидали город и страну и букинистические отделы были завалены прекрасными изданиями. Он бросил фразу-приманку — продавцу, но, по смыслу, ей: «Скажите, у вас есть неоплатоники?» Она подняла на него глаза от страницы. Через минуту он влетел вслед за ней в троллейбус. Оба кинули пяточки на панель водителю, и Глухов, качнувшись от рывка на светофоре, выдал из себя: «Вы бывали когда-нибудь в Париже?» — «Нет». — «Я тоже. Видите, сколько у нас общего. Давайте познакомимся?»

Так Аня оказалась его первой белой дамой. Нет ничего более загадочного, чем влечение. Вопрос не в том, почему оно существует, но как происходит выбор торжества, с которым богиня решает воплотиться в той или иной особе для того или иного мужчины. Последовали дни и недели равнинного берега Каспия: отвесное солнце, купание далеко-далеко почти в открытом море, где, исчезнув из виду для всех, кто мог случайно появиться на пустынном берегу, они занимались любовью, хождения по ресторанам и чайханам в прибрежном парке, медленное, зачарованное возвращение по домам в разных концах города — он всегда провожал, в том числе и ради мучительных поцелуев на прощание под позывные незримого сверчка в подъезде, — «Зеленый театр» под открытым небом, где они смотрели гремевшую тогда перестроенную пьесу о ленинградских проститутках,

мечтающих за иностранцев замуж — такая помесь *Pretty Woman* и «Москва слезам не верит». Актрисы, неосторожно сгоревшие днем на городском пляже, стягивали с себя одежду, морщась от боли, но все равно обнажались на сцене, показывая пунцовые от свежего загара шеи, бока, бедра.

Артемка теперь представлялся ему не девятнадцатилетним юнцом-новобранцем, а младенцем. Иван мысленно прижимал его к себе, целовал, кормил молоком из бутылочки, купал, вытирал, подкармливал снова и укладывал спать...

Сына жена назвала в честь своего старого друга и одноклассника — добряка Коваленко. А Глухова мать именовала в честь Вани Григорьева из «Псов Андромеды». В этом романе главный герой в детстве страдает от загадочной немоты. И мать потом не удивилась, когда ее Иван заговорил только в пять с половиной лет. «Немтыря!» — так его называла ласково бабушка, изъяснявшаяся на своем особом русском языке, вывезенном ею после голода 1933 года со Ставрополя. Она произносила так же необычно: «стула», а не «стул», «у комнате», а не «в комнате», «буряк», а не «свекла», «расстрастить», а не «разбавить горячую воду холодной», сделать менее страстной. Иван тогда и заговорил, когда однажды бабушка забыла *расстрастить* и вылила на него кастрюлю слишком нагретой воды. Немтыря испугался и завопил, да так, что бабушка едва не грохнулась

в обморок при его крике: «Тьфу ты, черт! Чуть не утопила!»

В детстве Глухов был одержим воздухоплаванием. Страстно читал все о Линдберге и Амелии Эрхарт, а «Планета людей» Экзюпери ему и до сих пор казалась важнейшей книгой не только в его жизни, но и в истории человечества. Он был уверен, что когда-нибудь подобный манускрипт, исполненный нового зрения, появится и из-под пера астронавта. Влекомый беспрекословной интуицией, на каждом клочке бумаги Иван вырисовывал самолеты и устройство турбин, воображал, что конструирует новые летательные аппараты и двигатели, был зачарован физикой ламинарных потоков, на пальцах объяснявшей возникновение подъемной силы крыла. Ходил в авиамodelьный кружок, где лобзиком из шпона выпиливал элероны, обтягивал крыло лавсаном и, зажав в тисках, заводил благодарно взвизгивающий движок ударом пальца по винту, жадно втягивая ноздрями керосиновый аромат чуда полета. Кордовые модели наматывали круги под тополями вокруг футбольной площадки все детство Глухова, а поступать он думал в младших классах совсем не в физтех, а в Тамбовское летное училище. Однако наступившая из-за беспрерывного чтения книжек близорукость уберегла его от военщины — с тех пор польза библиотек ему была очевидна: прежде чем что-то сказать или сделать, надо сначала хорошо вчитаться. Тем не менее в полете самолета ему до сих пор виделась

бесконечной красоты магия — он не мог оторвать взгляд, когда ехал по шоссе в то время, когда с полосы аэропорта параллельным курсом медленно поднимался грузовой кашалот — *Boeing 747*. А если приходилось летать, одним из самых ценимых им моментов полета был тот, когда при отрыве вдруг вся планета под ногами превращалась в обозримую карту. Он считал этот эффект тоже волшебным преобразованием — событием, некогда недоступным человечеству. «Вот почему Экзюпери произвел неизгладимое впечатление на читателей — тем, что обрел этот удивительный, не то птичий, не то божественный взгляд, осознающий, что каждый огонек на суше — это отдельная планета среди бесчисленной россыпи обитаемых планет, на каждой из которых хочется пожить, — так думал Глухов и добавлял: — Дальние мореплаватели, первопроходцы вообще очаровывали тем, что были приближены к сонму богов — силой выживания и преодоления и, конечно, добычей. Иные отправлялись не только за золотом. Недаром некоторые мистики забирались в неприступные горные районы — в надежде обрести магические способности гиперборейцев. Тут вспоминаются, конечно, Алистер Кроули, таскавший с собой на вершины, населенные только духами, рюкзак с книгами, и баварский король Людвиг, любивший в Альпах залечь на оттоманку перед стеклянной стеной своего монплезира с трубкой опиума в зубах. Гиперборейство порой выходило за рамки не только человеческих

усилий, но и человеческого в принципе. Стоит вспомнить и брошенных на пути к вершине умирающих альпинистов, и то, что собак Амундсен кормил их же собратями, таким образом уменьшив груз саней на пути к полюсу. Насколько я помню, из всех первых полярных предприятий лишь экспедиция Шеклтона обошлась без человеческих жертвоприношений. Скорее всего, без испытаний человечности не обойдется и инопланетная колонизация. Ибо человек, конечно, прежде всего есть “испытатель боли”...»

Иван поздно понял, что счастливо женатым можно быть только на белой богине, — и развелся лишь после того, как Артемке исполнилось одиннадцать. А перед его рождением шесть лет Ирина детей не хотела, все размышляла о чем-то. Из тех ее мыслей выходило так, что Глухов должен был *перестать хотеть быть евреем* (мать Глухова была из семьи катакомбных субботников, претерпевших от сталинских времен и ссылку, и лишение прав, так что набожностью он был вскормлен вместе с материнским молоком). Ирина хотела венчаться, но Глухов не столько ритуально, сколько онтологически был против. Ему не очень было понятно, почему его предки во многих поколениях старались быть евреями, а он должен сдать оплот сопротивления. Тогда Ирина отправилась к некоему старцу в монастырь под Тверью и тот повелел: «Не спи с ним, пока не повенчаешься».

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru